

УДК 316.7
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

М. Ю. Олешков

Нижний Тагил

**ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КОММУНИКАЦИИ:
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ**

АННОТАЦИЯ. Рассматривается информационно-содержательный и пространственно-временной компоненты текста, а также модель процесса информирования, т. е. переход информации от продуцента речи к реципиенту. Описывается динамический процесс восприятия текста реципиентом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: транзакция; интенция; аттрактор; когезия; структурный детерминизм; мыслительно-мнемическая деятельность; перцепция; «пропозициональная синхронизация»; дескрипция; продуцент; реципиент.

M. Y. Oleshkov

Nizhny Tagil

**PROCESSUAL MODEL OF COMMUNICATION:
COGNITIVE ASPECT**

ABSTRACT. Informational and temporal components of a text are studied, as well as the model of the process of informing, i.e. transfer of information from producer of the text to receiver. Dynamic process of text perception by the receiver is described.

KEY WORDS: transaction; intention; attractor; cohesion; structural determinism; cognitive-mnemonic activity; perception; "propositional synchronization"; description; producer; recipient.

Прагматический подход к языку использует модели процессов производства и понимания предложений / высказываний как организующих рамок для теорий и детализированных описаний языковых явлений. При этом важную роль играет значение контекста (и языкового, и прагматического) при интерпретации высказываний.

М. М. Бахтин отмечает, что «речь может существовать в действительности только в форме конкретных высказываний

отдельных говорящих людей, субъектов (этой) речи. Речь всегда отлита в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой формы существовать не может. Как ни различны высказывания по своему объему, по своему содержанию, по своему композиционному построению, они обладают, как единицы речевого общения, общими структурными особенностями и прежде всего совершенно четкими границами» [Бахтин 1996: 170].

Процессы, происходящие в границах транзакции, обусловлены интенцией адресанта как «хранителя» имеющейся информации, его стремлением передать эту информацию адресату, фактически, выводя из состояния равновесия его «устойчивую систему», изменяя картину мира реципиента. При этом в результате коммуникативного взаимовлияния концептуальные системы индивидов, составляющие подсистемы сложной организации «Человек–Человек» и стремящиеся в процессе своего развития к достижению максимального соответствия одна другой, «синхронизируются» посредством речепорождений концептуальных систем коммуникантов на основе аттракторной организации составляющих компонентов – индивидуальных концептуальных систем [см. Йокяма 2005].

Сущностные характеристики подобной сложной системы несводимы к совокупности концептуальных систем индивидов, но в числе возможных, вероятных, случайных путей развития системы может быть тот, который в большей степени определяется одним из ее компонентов. Общая объединяющая и определяющая отношения между элементами цель системы – стремление к взаимопроникновению компонентов, снятию противопоставленности между ними – может варьироваться в соответствии с частными целями подсистем – стремлением утвердить собственную индивидуальность в концептуальной системе адресата.

Когда роли продуцента и реципиента меняются в диалоге и происходит ответное речепорождение, то последнее отражает старый речевой факт в новой содержательном (смысловом) качестве. Это новое качество приводит, в свою очередь, в неустойчивое состояние концептуальную систему первого продуцента, ставшего в данном случае адресатом

речи, и происходит та же ситуация, которая показана выше. Таким образом, в результате коммуникативного взаимодействия возникшие тексты как продукты дискурсивной деятельности, имея общую «форму», существуют в двух (и более) концептуальных мирах.

Продукт речепорождения (текст) как относительно самостоятельная сложная система, существующая наряду с другими системами в рамках целостной концептуальной системы индивида [Герман 2000: 69], также подвижен [Москальчук 2003]. Его движение, а значит, изменение заключается в смыслопорождениях, вносимых концептуальными системами реципиентов в его изначальные содержательные характеристики. Эти смыслопорождения приводят к тому, что текст начинает существовать в концептуальной системе реципиента (который становится, в свою очередь, продуцентом). Развитие содержательной стороны текста может быть представлено сопутствующими комментариями либо последующими ответными репликами реципиента, отражающими особенности концептуальной системы последнего, «воспринимающей» новый смысл исходного текста. Этот смысл «включается» в старый текст через новое речепорождение. Таким образом происходит «движение» текста.

Концептуальные системы коммуникантов, обладая структурной общностью, по-разному «распределяют» информацию в своей «индивидуальной» структуре. В процессе продуцирования текста концептуальная система индивида «относит» к какому-либо этапу речи (месту в тексте) строго определенное содержание. В процессе рецепции это содержание (информация), поэтапно транслируемое адресату, вариативно, случайно влияет на его концептуальную систему, занимая определенное местоположение в его сознании.

При этом в тексте как продукте речевой деятельности в качестве точечных аттракторов фактически выступают «пространства смыслов» (ментальные окна [см. Recanatì 1996]) – семантические поля, которые обуславливают наличие доминантного варианта развития системы (текста) во времени. Логически определенная последовательность семантических полей, как правило, эксплицируется в материи текста, обеспечивая его когезию. При этом реципиент, воспринимая текст, выделяет в

нем элементы (кванты информации), создающие в его ментальной системе временные состояния относительной устойчивости, стабильности, «цепочка» которых и является преимущественным направлением системы смыслов. В целом, этот процесс можно рассматривать как реализацию модели структурного детерминизма П. Горрелла [Gorrell 1994] в виде фразового дерева на уровне высказываний в ходе дискурсивного взаимодействия субъектов речевого общения.

Если рассматривать восприятие текста (продукта дискурса) как процесс, обратный процессу порождения речи, то можно говорить о том, что со структурной точки зрения задача носителя языка при этом состоит в «свертывании» линейной структуры текста в некую модель, которую О. Л. Каменская называет С-моделью [Каменская 1990: 126]. Основные фазы процесса восприятия (фаза «мотивации», интенция, фаза «понимания») характеризуют речемыслительную деятельность реципиента.

Побудительный мотив к восприятию текста реципиентом в дискурсивной практике формируется как решение одной из частных задач того или иного некоммуникативного действия. Этот мотив, как правило, включает более или менее осознанное представление о той отрасли знания, к которой должен принадлежать предполагаемый текст, и эксплицируется в сознании реципиента как необходимость получения некоторой информации, отсутствующей у него на момент формирования мотива к восприятию текста: мотивация к восприятию текста осознается как необходимость заполнения «информационного вакуума», удовлетворения некоторой информационной потребности в рамках целенаправленного действия, присущего, обычно, другому (некоммуникативному) виду деятельности.

Информационно-содержательный и пространственно-временной компоненты текста обеспечивают содержательную сторону воспринимаемой информации в экстралингвистическом «окружении», что, в свою очередь, дает возможность реципиенту антиципационно программировать процесс «предъявления» информации, содержащейся в тексте.

Восприятие речи – своеобразный комплекс двух подпроцессов, следующих параллельно, но с некоторым, как прави-

ло, очень малым временным сдвигом (запаздыванием) один относительно другого. Это, в частности, отмечает Н. И. Жинкин: «При декодировании слова располагаются в строчку, следуют друг за другом в порядке времени. Для интеграции их в этих условиях придется каждое текущее слово как-то пристраивать к предшествующему, уже ушедшему. Это можно сделать, если остановить в памяти поток слов и приступить к интеграции. На приеме речи неизбежно возникнут вынужденные остановки, момент появления которых будет очень трудно определить говорящему. Фактически таких остановок не бывает. Вот почему признают, что в процессе приема речи происходит не просто мимолетное узнавание слов, но и обработка в особой, так называемой операционной, иконической памяти» [Жинкин 1982: 44].

Первый подпроцесс Н. И. Жинкин называет «позлементным восприятием», которое сводится к идентификации реципиентом предъявляемых ему элементов текста. Позлементное восприятие определяется двумя факторами: качеством элементов текста и темпом их восприятия. Под качеством элементов текста понимаются такие их свойства, которые позволяют реципиенту без особых усилий однозначно их идентифицировать в процессе восприятия текста. Таким образом, текст как «порождение» дискурсивного процесса, состоящий из «хороших» элементов, – это текст, который проговаривается (диктуется) четко артикулированными звуками.

Темпazoleментного восприятия, по мнению исследователя, может быть измерен количеством элементов (букв или звуков), содержащихся в отрезке текста, воспринятом в единицу времени, причем при восприятии устного текста этот темп, как правило, навязывается реципиенту собеседником.

Второй подпроцесс восприятия текста – «семантическое восприятие» – есть процесс установления значений слов, связей между словами в предложении, предложениями (высказываниями) и т. д. Темп семантического восприятия текста не ниже егоazoleментного восприятия, хотя второй процесс протекает с некоторым запаздыванием по отношению к первому. Количественной мерой темпа семантического восприятия может служить темпazoleментного восприятия текста. «Механизм языка устроен так, что любой человек, усвоивший

его в детстве, при самых ограниченных возможностях будет принимать речь точно по ходу ее временного следования... При этом не следует забывать, что слушающий не старается делать никакого грамматического анализа...а просто принимает мысль, содержащуюся в сообщении», – пишет Н. И. Жинкин [Жинкин 1982: 45].

Процесс восприятия речи на слух связан с выполнением реципиентом сложной мыслительно-мнемической деятельности, которая включает в себя преобразование информации, кодовые переходы, актуализацию связей, способствующих пониманию. Успешность такой умственной деятельности обусловлена высокой степенью концентрации внимания.

В результате экспериментов установлено, что исходный уровень владения аудированием определяют следующие умения:

- 1) членить текст на смысловые куски, определять факты сообщения;
- 2) устанавливать логические связи между элементами текста;
- 3) отделять главное от второстепенного и удерживать в памяти главное, выделять смысловые вехи, определять смысловой центр фразы;
- 4) определять тему сообщения;
- 5) выделять главную мысль;
- 6) принимать сообщения до конца без пропусков;
- 7) воспринимать речь в естественном медленном темпе;
- 8) принимать и удерживать в памяти сообщение, предъявленное один раз. Отсутствие какого-либо из этих умений оказывает негативное влияние на прием и понимание речевых сообщений [Агузарова 2005: 332].

Итак, динамический процесс восприятия текста реципиентом может быть описан следующей схемой: элементы текста воспринимаются аудиовизуальными рецепторами и, преобразованные на основе внутреннего кода, транслируются в кратковременную память реципиента. С другой стороны, туда же поступают из долговременной памяти данные о предшествующем языковом опыте личности. Сопоставление этих двух информационных потоков позволяет реципиенту сначала опознать слова, т.е. идентифицировать последовательность тек-

стовых элементов как слова, затем приписать этим словам соответствующие значения (т.е. осмыслить их). Параллельно, вызывая из долговременной в кратковременную память грамматическую информацию, реципиент устанавливает связи внутри предложения и, на этой основе, осмысливает содержание предложения. Таким образом, в кратковременной памяти в каждый данный интервал времени «присутствует» лишь относительно небольшое количество слов текста, актуализируемых реципиентом. При перцепции последующих отрезков текста предыдущая информация транслируется в долговременную.

По М. М. Бахтину, границы каждого конкретного высказывания, как единицы речевого общения, определяются сменой речевых субъектов, т.е. *сменой говорящих*. Так как речевое общение – это «обмен мыслями» во всех областях человеческой деятельности, то любое высказывание – от короткой (однословной) реплики бытового диалога и до большого романа или научного трактата – имеет абсолютное начало и абсолютный конец. Таким образом, «высказывание – это не условная единица, а единица реальная, четко отграниченная сменой речевых субъектов, кончающаяся передачей слова другому» [Бахтин 1996: 170].

Итак, каждое высказывание является частью большей последовательности в рамках транзакции, и говорящий в процессе порождения речи, как правило, учитывает факторы, способствующие достижению макроинтенции, т.е. последовательность коммуникативных актов в целом. Более того, т.к. язык функционирует в составе более широкой системы мышления и коммуникации, существенную роль играют и другие аспекты такой глобальной системы: ментальные состояния коммуникантов, обратная связь со стороны слушающего, его экспектации и др., – воздействующие на форму высказывания, так что не все в подобной модели можно непосредственно связать с эксплицитными коммуникативными целями [Олешков 2006].

Рассмотрим модель процесса информирования, т.е. переход информации от продуцента речи к реципиенту. Языковые средства при этом выполняют две основные функции: служат для описания (отражения) реальной действительности и являются средством передачи информации об этой

действительности реципиенту в знаках адекватной семиотической системы.

Та информация, которая наличествует у продуцента может быть измерена количественно (имеет определенный «объем») и может быть названа первичной информацией (I^1). Полученная реципиентом информация, также обладающая объемом в количественном выражении, является вторичной (I^2).

В процессе перехода информации от продуцента к реципиенту возникает «проблема адекватности»: насколько совпадают объемы и содержание I^1 и I^2 ?

Степень формального соответствия полученной информации первоисточнику находится в прямой зависимости от способности продуцента эффективно передать имеющуюся информацию, а также от его интенций, реализуемых в данной речевой ситуации, его «фоновых» знаний и некоторых субъективных факторов (уровня «шума», сопутствующего процессу передачи, общности кода, используемого при передаче и др.).

Исходя из теории систем, схему преобразования первичной информации во вторичную (перевод I^1 в I^2) можно представить как процесс (на уровне модели) и результат (на уровне «продукта» – итога). При этом следует учитывать, что формализованный перевод любой семантической информации должен рассматриваться как результат перехода объема I^1 на уровне избыточности использования языковых средств *системы I* в объем I^2 на уровне достаточности *системы II*. Вторичная семантическая информация, как правило, структурно может быть представлена упрощенной схемой по отношению к первичной, причем степень редукции (упрощения) обусловлена намерениями автора и / или конкретными условиями протекания процесса коммуникативного взаимодействия. Таким образом, первичная информация, которая «переводится» от продуцента к реципиенту, как правило, является избыточной по отношению к вторичной (приобретенной реципиентом), но в то же время достаточной при успешной реализации процесса передачи.

Вероятно, информация передается и воспринимается «порциями» – смысловыми (семантическими) квантами на

уровне пропозиций. В этом случае пропозицией можно считать предикативную единицу, соответствующую кванту когнитивной информации, содержащемуся в высказывании.

Естественно, что «потери», имеющие место в данном процессе, позволяют говорить о «неэквивалентности» переданной и полученной информации. В то же время уровень «допустимой неэквивалентности» должен быть таким, чтобы транзакция состоялась и реципиент воспринял адресованную ему информацию адекватно.

Эффективность взаимодействия коммуникантов в этом случае, на наш взгляд, обусловлена процессом «пропозициональной синхронизации» [Олешков 2005], что проявляется в поэтапном восприятии и интерпретации квантов информации реципиентом в рамках «когнитивного резонанса», возникающего в сфере коммуникативного взаимодействия как замкнутой системы. Этот процесс сопровождается обязательной редукцией, «сжатием», компрессией воспринимаемой информации, что и обуславливает необходимую избыточность ее передачи продуцентом речи.

Таким образом, передача, восприятие и интерпретация информации заведомо не может быть адекватной, так как, несмотря на устойчивость и логическую упорядоченность системы языка, когнитивные процессы, осуществляемые коммуникантами в процессе транзакции, сложнее и эпистемологически «богаче» языковой компетенции участников общения.

В качестве примера рассмотрим абстрактную модель процесса коммуникации, основанную на принятом за образец «идеальном» вербальном взаимодействии, когда продуцент речи адресует свои высказывания единственному слушателю в ситуации непосредственного вербального контакта. Подобный подход, по нашему мнению, может быть применен к моделированию процессов в других формах общения, таких, как письменная речь или невысказанная вербализованная мысль.

1. Имеется два участника: «говорящий» (адресант, продуцент речи) и «слушающий» (адресат, реципиент).

2. Каждый из участников вовлечен в процесс вербализации (практического использования языка), являющийся частью более широкого, мыслительного процесса, который включает в себя восприятие и интерпретацию окружения (ре-

чевой ситуации), формулирование целей (интенций), а также составление и приведение в исполнение планов (коммуникативных стратегий и тактик) достижения этих целей.

3. Каждый участник, приступая к осуществлению своего коммуникативного намерения (интенции), располагает рядом способностей, включающих 1) общую способность к мыслительной обработке информации, которая предусматривает (помимо всего прочего) наличие системы символов и средства накопления знания в символической форме; 2) «когнитивный» арсенал различных специфических форм, стратегий и тактик представления, способов обработки информации, используемых при выполнении различных задач восприятия, интерпретации и понимания (с точки зрения языкового употребления здесь существенны представления языковых объектов на различных уровнях анализа, таких, как фонологические последовательности и синтаксические структуры); 3) совокупность специфических представлений (выражаемых символическими структурами на основе особых форм репрезентации), которая составляет индивидуальную «модель мира».

В отношении последнего фактора следует отметить, что в контексте такого анализа существенными являются следующие релевантные части модели: совокупность знаний о языке, включающих синтаксическое структурирование, лексические значения, условия реализации коммуникативного акта и др.; способность осуществлять анализ (на разных уровнях) хода диалога со стороны коммуникантов; модель (образ) собеседника в совокупности таких компонентов, как его знания, ситуативные интенции, способность к обработке данных; уровень коммуникативной компетенции самого коммуниканта.

4. Каждое высказывание является конечным результатом конструктивного процесса, когда говорящий на основе собственной (имеющейся) коммуникативной компетенции «вырабатывает» языковую структуру, адекватную комплексу своих коммуникативных целей (интенций). Вероятно, этот процесс ориентирован на достижение макроинтенции.

5. Отсюда следует, что не существует единого формально представленного объекта, который являлся бы «значением» или «первичным намерением» высказывания. Имеет

место обобщенное значение как абстракция, соотносимая с макроинтенцией, т.е. со множеством локальных целей, многие из которых реализуются на метакоммуникативном уровне (т.е. обусловлены личным взаимодействием говорящего и слушающего и прямо не коррелируют с предполагаемым содержанием высказываний).

6. Цели «отдельно взятого» высказывания могут включать:

- передачу информации о фактах, наличие которых в модели мира слушающего уже имеет место;
- стимулирование говорящим создания у слушателя нового концептуального знания, аналог которого присутствует в модели мира говорящего;
- направление внимания слушающего на некоторое «знание» или на отдельные свойства известной ему сущности с целью создания контекста для последующих высказываний.

Некоторые из этих целей выступают как микроинтенции (например, номинация какого-либо объекта с целью изложения информации о нем), некоторые – как относительно самостоятельные, независимые (констатация факта, передача личностного отношения к адресату и др.).

7. Проектирование высказывания, как любой сложный конструктивный процесс, осуществляется не в виде простой (линейной) последовательности отдельных этапов. Говорящий, непрерывно осуществляя рефлекссию на основе «обратной связи», анализируя развитие коммуникативного процесса, может менять решение (на тактическом или даже стратегическом уровне). Скорее всего, это происходит на бессознательном уровне и имеет в основе использование значительной части фонда знаний говорящего (включая представления «образа собеседника» на данный момент времени, продуцируемое «информационное» знание и собственно знание языка).

8. В коммуникативном процессе общая структура речевого потока говорящего иерархически обусловлена использованием языковых единиц различных уровней: языковых объектов (слова, фразы) суждений и дескрипций, а также общим планом коммуникации. Таким образом, интерпретация коммуникативного процесса на уровне статичного «момен-

тального снимка» не является объективным отражением реального речевого взаимодействия.

9. В процессе восприятия и понимания высказывания слушающий не просто декодирует языковые структуры говорящего, но осуществляет более широкий процесс анализа, осмысления и вывода и других (невербальных) данных восприятия.

10. Языковые формы выступают для адресата исходной точкой процесса анализа (по большей части неосознанного), в ходе которого строится ряд концептуальных сущностей на различных уровнях. Результаты этого анализа включают:

- синхронизацию моделей мира говорящего и слушающего посредством поиска или создания концептуальных сущностей, которые предположительно соответствуют информации, имеющейся в распоряжении говорящего;
- стремление к достижению интенций говорящего в плане выводов, к которым он хотел бы «подвести» слушающего;
- «незапланированный» итог коммуникации в виде выводов, основывающихся на содержании высказывания, но интенционально «не предусмотренных» говорящим;
- осуществление выводов, касающихся состояния говорящего на данном этапе развития речевой ситуации, включая цели высказывания, фокус его внимания, состояние его знания (включая его знание о слушающем).

11. Результаты восприятия со стороны слушающего представляют собой интегрированный продукт анализа:

- *высказываний* (включая такие аспекты, как интонация и тон голоса);
- *знаний*, которыми обладает слушающий, включая его модель релевантного «мира» и модель, описывающую говорящего;
- *состояния слушающего в данный момент*, включая непосредственный фокус внимания и содержание предшествующей данному высказыванию информации (пресуппозиции) с учетом «мощности языкового процессора» адресата (ограниченной способности к обработке информации).

При анализе принимаются во внимание «синтагматический контекст», в котором выступает высказывание, и «парадигматический контекст» (альтернативы всех выборов, кото-

рые говорящий осуществил в процессе построения данного высказывания).

Итак, любое высказывание анализируется слушающим с точки зрения того, как оно удовлетворяет одновременно целому набору коммуникативных и межличностных целей, проявляющихся разными способами, которые использует говорящий на уровне механизмов языка и особенностей паралингвистического взаимодействия.

Изучение такого «многомерного» процесса предоставляет возможность осуществлять моделирование на лингвопрагматическом уровне, учитывающем всю совокупность признаков речевой ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агузарова В. М. Аудирование и речевой слух // Вопросы гуманитарных наук. № 3. 2005. С. 331-332.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. – М. : Русские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940-1960 гг. – С. 159-206.

Герман И. А. Лингвосинергетика.–Барнаул: Изд-во Алтай, акад. экономики и права, 2000.

Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. – М., 1982.

Йокояма О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. – М. : Языки славянской культуры, 2005.

Каменская О. Л. Текст и коммуникация. – М., 1990.

Москальчук Г. Г Структура текста как синергетический процесс. – М., 2003.

Олешков М. Ю. Пропозициональная синхронизация в дидактическом дискурсе // Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 15.– Екатеринбург.–2005.–С. 201-208.

Олешков М. Ю. Системное обоснование дискурсивной модели: лингвопрагматический подход // Вопросы филологии, 2006, № 1 (22). С. 39-43.

Correll, P., Structural Relations in the Grammar and the Parser // Folia Linguistica, 1994.

Recanati Fr. Domains of discourse // Linguistics and philosophy.– Dordrecht; Boston, 1996.–Vol. 19.–№ 5.–P. 445-475.